Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЗАВОД ОГНЕКРЫЛЫЙ

СБОРНИК

ПРОЛЕТАРСКИХ ПОЭТОВ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Московский ПРОЛЕТКУЛЬТ
1919

Издание Московского Пролеткульта

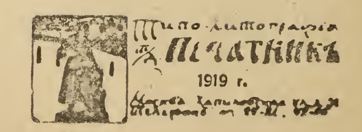
ЗАВОД ОГНЕКРЫЛЫЙ

СБОРНИК СТИХОВ

Издание 2-е

В. Александровский
М. Герасимов
И. Ерошин
Б. Николаев

МОСКВА
1919

Типо-литографія
т/д Печатникъ
1919 г.

I.

ЭНТУЗИАЗМ.

В. Александровский.

Восстание.

Тайна в глазах.
Взгляды порывисты, цепки.
Что то растет.
Кто то огромный идет.
Черные куртки и кэпки
Плавают в сером тумане.
Втиснуты сжатые руки
В карманы.
В темных углах—
Страх.
Мрут и рождаются звуки.
Там на крутых поворотах
Гаснут огни.
Плотно закрыли ворота.
Грязные пасти домов.
Чу!.. Шопот шагов.
Это—они.
Ринулись тени.
Скрылись, пропали.
Ужас бегущих мгновений.
Лязг беспорядочный стали.

Ширится тайна. Растет.
Небо краснеет.
Серое небо об'емлет пожар.
Время не ждет,—
Свет убивает кошмар.
В муках Великое зреет.
Идет.

Выстрелы гулкие, четкие.
Стекла посыпались на тротуар.
Пороха запах.
Стоны короткие.
Странные крики. Пожар.
Прошлое будущим стиснуто в лапах.
Смерть ему! Смерть!
Улицы ревом наполнились.
Сроки исполнились.
Вспыхнула твердь.

Рассвет.
В людей превращаются тени,
И тайны в глазах уже нет;
В них светится жажда сражений,
Побед.
Справляет свой праздник Борьба.
Откуда то звонко
Горниста труба
Запела во вражеском стане.
И тотчас же тонко
Свистнули пули
В тумане.

Как улей,
Народ всколыхнулся.
Мускулы рук трепетали.
Рванулся
Вверх окровавленный флаг.
Ждали.
Подступит-ли враг?
Нет
Не идет.
Так развернутым строем
Братья, вперед,
На гребни побед!
Мы старое сроем,
Раздавим.
И в этой борьбе
О себе
Мы вечную память оставим.

Враг сломлен. Разбит.
Сквозь полог туманный и дымный
Лучи свои Солнце струит,
А толпы—восторги и гимны.

Неизбежность.

Победа труда—неизбежна.
Кто скажет иное солжет.
Волнуется Запад мятежно
И взрыва могучего ждет.

Победа труда в настоящем.
Растет буревестника зов.
Я мир уже вижу горящим
И слышу паденье оков.

Восток был великим началом.
Докончит-же Запад стальной.
Кровь храбрых на знамени алом
Зовет на решительный бой.

Под знамя!—кто жаждет свободы.
За меч кому дорог порыв!—
Что дали нам черные годы,
Сметет Революции взрыв,

Гроза.

Час настал.
Торопись
Взять свой молот мужик,
И ударить по огненным
    звеньям,
Чтобы мрак задрожал
Вековой,
Чтобы высь
Всколыхнул крик
Стальной
Дерзновеньем!..

Зов давно
Прозвучал,
Торопись же, мужик,—
Ты творец новых форм
    Мирозданья...
Жизнь хмельна, как вино,—
Пей до дна
Свой бокал,
Чтоб возник
Вихрь из сна

И молчанья..
Бей, сильней,
Бей мужик,
Расплющи свой кошмар,
Уничтожь свое рабство
    Мгновенно!..
Беспросветных ночей
Тает гнет,
Твой удар
Мести крик
Разнесет
По вселенной!..

Вихрь.

Плачут медью колокольни,
Резок крыш железных скрежет,
    Вспышки молний
    Воздух режут...
Птицы носятся, как хлопья
Рой людей в ворота втиснут,
    Туч отрепья
    Низко виснут.
Вихрь несется точно кречет,
Местью буйной угрожает,
    Камни мечет,
    Жесть срывает.
Улетел задорный, жгучий,
Полный воя, рева, свиста.
    Плачут тучи.
    Серо мглисто.

Сказка борьбы.

Гудит набат, зовет набат:
—Скорей! Скорей! Скорей!..
Пожаром горизонт об'ят,
Вперед! Дороги нет назад
В безмолвный мрак ночей...
Набат зови, набат кричи,—
Нам дорог каждый час:
Давно отточены мечи,
Желанья наши горячи,
И солнечен экстаз...

* *
*

На пути цветы и кровь,
Жизнь и Смерть царят посменно,—
Но идущих неизменно
Впереди встречает Новь...
Не убей восторг души,
Ярко вспыхнувши с рассветом,—
Будь борцом и будь поэтом,
В даль зовущую спеши...
Нет возврата! Зов огня
Кровь борцов смешал с цветами...
. . . .
Ночь кошмарная—за нами,
Перед нами—царство дня...

Победителям.

Упорство и вера—победы залог.
Сплотившись в едино—гранит вы.
Растет ваш железный чертог,
Окрашенный заревом битвы.

Где огненным вихрем расплавлен металл,
Там мысли и руки мятежны.
Несет вас стремительный вал
В об'ятия жизни безбрежной.

Хмельны как вино, поцелуи труда,
В великий канун Воскресенья,
Для тех, кто не гас никогда,
Кто жаждал и жаждет сраженья.

Жизнь вашим победам подводит итог,—
И меч удержали, и щит вы.
Растет ваш железный чертог,
Окрашенный заревом битвы.

* * *

Душа не устанет светиться
    В тумане
И в сумраке мутном,
Одевшем страну...
Душа не устанет стремиться
    За грани,
И с ветром попутным
Влюбляться в весну.
Дорога темна и терниста,
    Но зноен
Порыв вдохновенья,
Рожденный борьбой...
В безбрежности серой и мглистой,
    Как воин,
Я жажду сраженья
За стяг огневой...

Мих. Герасимов.

Железные цветы.

Я не в разнеженной природе,
Среди расцветшей красоты,
Под дымным небом на заводе
Ковал железные цветы.

Их не ласкало солнце юга,
И не баюкал лунный свет,
Вагранок огненная Вьюга
Звенящий обожгла букет.

Где гул моторов груб и грозен,
Где свист сирен, металла звон,
Я перезвоном медных сосен
Был очарован и влюблен.

Не в беспечальном хороводе—
В мозолях мощная ладонь,
Неугасимый на заводе
Горел под блузою огонь.

Вздувал я горн рабочим гневом
Коммунистической мечты
И, опьянен его напевом,
Ковал железные цветы.

Летим.

Согбенный каждый был, кургузый,
В заводском склепе погребен,
Сорвал вдруг саван синей блузы,
Воскрес и к солнцу устремлен.

Летим по солнечному следу
В недосягаемый эфир.
Пропеллер нашу пел победу,
Взрезая зорь зовущий мир.

Машиной гордою, железной
Пересекали вихрь орбит,
Узор пронизывали звездный,
Где каждый атом с солнцем слит.

Летим под благовест мотора.
Сверкает неба бирюза,
Всю величавость, все просторы
Познали пленные глаза.

Победный марш нам звезды пели,
Каскадом свет, смеясь, взвихрил,
А души—солнцем пламенели
Под сочный свист железных крыл.

Ночью.

Следи, мой друг, как ночью бледной
В гранитах движется Нева,
Как вдохновенно всадник медный
Над ней рванул на острова.

Он не застывший, окрыленный
Безмерно устремлен вперед,
Как мой народ освобожденный,
Как мой проснувшийся народ.

Народы братские, дивитесь,
Как он могуч, как он волен,
На бранном поле алый витязь
Из пепла к жизни воскрешен.

Он не застывший, а победный,
Разбил над миром цепи он.
Дивитесь все, как всадник медный
К заре зовущей вознесен.

Мы.

Мы все возьмем, мы все познаем,
Пронижем глубину до дна.
Как золотым цветущим маем
Душа весенняя пьяна!

Нет меры гордому дерзанью:
Мы—Вагнер, Винчи, Тициан.
Мы новому музею—зданью
Воздвигнем купол, как Монблан.

В кристаллах мрамора Анжело,
И все, чем дивен был Парнас,
Не то ли творческое пело,
Что током пробегает в нас?

Воспитывали орхидеи,
Качали колыбели роз,
Не мы ли были в Иудее,
Когда любви учил Христос?

Мы клали камни Парфенона
И исполинских пирамид,
Всех Сфинксов, храмов, Пантеонов
Звенящий высекли гранит.

Не нам ли на горе Синая,
В неопалимой купине,
Как солнце, Красный стяг, сияя,
Явился в буре и огне.

Мы все возьмем, мы все познаем,
Пронижем неба бирюзу.
Как сладко пить цветущим маем
Животворящую грозу.

Ив. Ерошин.

Грядущее.

Лишь только день уйдет и вступит ночь в права,
Мне снится светлый век грядущих поколений.
Вот даль, я вижу там зовущия слова;
Вот книга предо мной великих откровений.

В ней путь народов всех начертанный рукой
Ума и гения и гнетом капитала.
Страница первая. Забудет мир покой,
Займутся города зарей восстанья алой.

Отживший старый строй восстанет на дыбы,
Взревет, как хищный зверь, на жертву раз'яренный,
И в схватке для себя сколотит он гробы,
Могилы выроет и упадет пронзенный.

Утихнет гул борьбы, и новый враг придет.
Над миром пролетит с зловещим криком ворон,
Как смерч морской могуч его полет
И жуткий взгляд как зыбь морская черен,

Он много жертв возьмет за тяжкий грех войны
И много силы даст—работы созиданья.
И человечество с пришествием весны
Построит дивное, невиданное зданье.

Ромен Роллан.

Роллан,—твердят мои уста.
Вселенной странник одинокий,
Для многих чуждый и—далекий,
Как сумасбродная мечта.

Роллан, о, гулкий рев набата
В безумном вихре мировом!
Один в дыму пороховом
Ты встал за страждущего брата.

Один таил ты скорбь во взоре,
Не убоявшись, бросил крик,
Душою чуткою приник
К страданьям, мукам и позору.

Роллан один в молчанье ночи?
Ни звука. Тишь. Роллан, Роллан!
Ты чуешь боли—мира ран,
В слезах твоих я вижу, очи.

Роллан, а где же наши братья?
Трусливо сбившися гурьбой.
Благословляют дикий бой,
Предавши горний дух проклятью.

Роллан—твердят мои уста,
Вселенной странник одинокий,
Цветок в пустыне—синеокий,
Один, не бросивший креста.

Путь Голгофы.

До конца совершим мы путь Голгофы.
Мертвый Запад распинает нас...
Всю печаль в размеренные строфы
Передам я в этот тяжкий час.

Мир уснул, в кошмар завороженный...
Долго ль будет длиться этот сон?
Слышит ли цепями угнетенный
Спящий мир призывный красный звон?

Пробудись! Стряхни же сон могилы!
Иль не видишь, как рабочих рать
На востоке с грезой легкокрылой
За свободу стала умирать....

Из цикла „Песни труда".

Наша песня трудовая
И могуча, и сильна,
Сила в ней бурлит живая,
Как свободная волна.
Где царила жуть ночная, -
Песня там теперь звучит,
Песня бодрая, живая,
Песня—море, песня— щит.
Не мечту, мираж красивый
Видим мы перед собой.
Так прислушайтесь пытливей
К нашей песне трудовой!
В ней услышите вы новый
Знойный, радостный напев,
Радость битвы, вихрь грозовый,
Смелый творческий посев.
Наша песня трудовая
И могуча, и сильна,
Сила в ней бурлит живая,
Как свободная волна.

Борис Николаев.

* * *

Вы видите их—энергичных и сильных,
Чьи грозные взгляды, как пламя, горят!
Их мускулы—молот. На улицах пыльных
Шаги их булыжник дробят.

И красное знамя свободы над ними,
Как солнце из крови... Вы видите их!
Их—массы. Их имя—народное имя,
Восставших за счастье живых.

Как буря их крики над бледной столицей
Распятой возмездьем времен...
Пылает победное солнце на лицах,
Свободы, бессмертных имен!

Август.
1915 г.

Земли-планеты покорители.

Стальными рельсами опутали ее мы,—
гигантской сетью гибких проводов;
ее пустыням бросив водоемы,
ее равнинам—роскошь городов;
ее горам—глаза обсерваторий,
фуникулеров бешеный под'ем;
ее морям—кричащие огнем
созвездья маяков, в победном споре
ведущих корабли к портам далеких стран.

Москва
1918 г.

Творцам вселенной.

Рельсы пронзили пустыни.
Моря с'единили каналы.
Реки, зашитые в четкость гранитных линий
и электрической тяги—
фиалы
драгоценной влаги—
движенья и обмена.
Брошены на скалы маяки
в миллионы свечей, снабженные боем колоколов;
их любят пассажиры и моряки
приветствовать, в тумане, улыбкой без слов.
Кабель опутал вселенную.
Радио-телеграф сковал воздушные волны.
Над пропастями, спиралью нетленною,
висят виадуки.
Туннели вонзили в гигантския горы,
мускулатура рабочих и цифры науки...
поют во вселенной моторы!..

О, техники мощные взлеты!
О, сила рабочих и жен их!
Их рук и плечей обожженных
на ниве священной работы...
Скользят дирижабли, как птицы
экспрессы летят, пожирая несчетные версты,
к столицам земных средоточий...
— Да святится
имя твое, рабочий!
И ваше, работницы сестры!

Москва.
1915 г.

II.

ГУЛ ЗАВОДОВ.

В. Александровский.

К горнам.

К фабрикам, заводам, искрометным горнам,
Все, кто духом силен, поспешим туда,—
Нужно приготовить сабли непокорным,
Нужно дать им знамя красное труда,
Чтоб достойно встретить зарево свободы,
Чтоб отпор дать твердый вражеским полкам—
Сквозь холодный сумрак долгой непогоды,
Поспешим, кто силен, к горнам и станкам.

Рабочий.

Мускулы тяжести просят,—
Я от труда не устал,
Руки не раз еще бросят
Молот на красный металл!..

Сила огнем *Коллектива*
В теле моем зажжена,
Мечутся в сердце бурливо
Радости струи вина!..

С детства под песни машины
Бурю в душе я растил,
Мстительный клекот орлиный
Творческий вихрь разбудил!.

Липнет рука моя к стали,
Дышит упругостью взмах,—
Новые дам я скрижали
Жизнь утопившим в мечтах!

Вешние песни приносит
Бури стремительный вал...
Руки не раз еще бросят
Молот на жгучий металл!..

Кузнец.

Искры, точно золото,
Брызжут из под молота,
В горне вихрь поет.
Нет в руках усталости.
Нет к железу жалости, -
Бьет.

Молодость мятежится,
Сердце счастьем нежится,
Брагу жизни пьет.
Звеньев лязг взвивается,
Это разбивается
Гнет.

Взгляд горит решимостью,
Злой неутомимостью,
Сам себя он жжет.
Руки молот стиснули,—
Руки взмахом свистнули,
Бьет.

* * *

Мои мускулы—пружины,
Страсти—пламя горна,
Перенял я у машины
Быть во всем упорным.

Одарен я буйной силой,
Молот мне—игрушка,
Жизнь меня не обносила
Полной горя кружкой.

Перенес я лихолетье!..
Сердце боль скрывало,
Когда ночь ременной плетью
Кожу разрывала...

Я в иное время верил,
Ждал прихода срока,
Силу враг мой не измерил
Бурного потока!..

Быстро прорваны плотины
Натиском повторным...
Перенял я у машины
Быть во всем упорным...

Мих. Герасимов.

Весенний день.

Весенний день, какой чудесный
На землю витязь снизошел,
Завод гранитный и железный
Жемчужной радугой расцвел.

Где опечаленной царевной
Душа томилась в терему,
Ты в храм улыбчиво-напевный
Вдруг превратил мою тюрьму.

Листы стальные, как иконы,
Сияют в золотых огнях,
А сколько возгласов и звона
В шкивах и приводных ремнях!

Вскипали огневые горны,
Как чаши красного вина,
Труба—с корою сажи черной,
Соками сквозь напоена.

А тот, кто был в веках распятым.
Жестокой прокопьен судьбой,
Надев блистательные латы,
Благословлен на славный бой.

Весна и солнце в мир надгорный
Завод и землю увели,
Где угля каменные горны
Цветком кровавым расцвели.

Скованный.

Меня веригою железной
Сковал Обуховский завод,
А белой ночи свод беззвездный
В таинственную даль зовет.

В неугасающем пространстве
Пожар полярный отражен,
На новый путь тернистых странствий
К миражам млечным манит он.

Я бился скованный, безкрылый,
Весь черный в угольной пыли,
Моих порывов тают силы
В дыму, где горны расцвели.

Хотел-бы любящим предтечей
В благословенный мир глядеть...
На труб потушенные свечи
Любимым голубем взлететь.

В столице, над своей темницей,
Кружусь в изменчивой игре,
То был приколотою птицей
На Петропавловской игле.

А там, у недоступной грани
Восходит красная заря,
И к пристаням иных скитаний
Душа бросает якоря.

Труба.

Труба, как посох исполина
В его мозолистой руке,
Через моря, через долины
Он с ним шагает налегке.

Его шагов стальную силу
Ковали долгие века,
Его порыв не угасила
Войны кровавая рука.

Рожденный под полярным кругом,
Могуч, румян и закален,
Как водопад над вешним лугом,
Так он стремительно волен.

В пути великом многолик он,
И жезл в его руке—труба,
Его многоязыким кликом
Встречают пленники труда.

Грубой заводской искры сеет
В сердца рабочих и крестьян.
Мы знаем—пламя скоро взреет
Над далью чужеземных стран.

Разлей над миром свет рубина,
Подобно огневой реке.
Труба, как факел исполина,
В железном сжата кулаке.

Заводу

Ты весь закованный во брони.
А дымом в небо вознесен,
Туда, где заревые кони,
Где тает твой железный звон.

Зачем в заре твои зарницы
Влетают призраком седым,
Звезд золотистые ресницы
Отравный раз'едает дым.

Гляжу на них в решотку рамы
Сквозь пыль и кружева тенет,
Как вольны золотые храмы,—
Судьба к станку их не пригнет.

Напрасно к ним горю любовью,
Горячий сдерживаю плач,
Труба—облитый ржавой кровью
И преградивший вход палач.

Моя душа—ночная искра,
Из дыма отлетев на миг,
Кружит, кружит меж звезд и быстро
Угасший опускает лик.

Люблю.

Люблю я зарево вагранок —
В нем небо звездное ясней,
Люблю куски стальных болванок
Меж вальцев, превращенных в змей

Люблю, когда под паром молот
Сжимает сталь в снопах лучей,
Люблю ковать, силен и молод,
У пасти огненных печей.

Люблю парить в полете смелом
Ведь я волен, ведь я ничей,
Железным извиваться телом,
Как домны, золотой ручей.

Люблю я труб заводских струны,
Гудок, будивший паром медь,
Я знаю—красный флаг коммуны
Над миром будет пламенеть.

Ночью.

Труба, как факел надмогильный,
Кадит безмерно в небеса,
Но все живей сквозь дым кадильный
Звезд златоокая краса.

На наши поднятые лица
От пыли пепла и углей
Сквозь светозарные ресницы
Улыбки ласково пролей.

На быстролетное мгновенье
Взлететь от горнов в звездный храм!
Машина, оборви гуденье!
Дай хор светил послушать нам.

А небо, чем земля печальней,
Притягивает и манит.
Какая сила в блеске дальнем,
Какой невиданный магнит!

Какие струны в струях млечных,
Каких миров крылатый клич!
Чудесный звон симфоний вечных
Не охватить и не постичь.

Как черный дождь, слетает сажа,
Сирены окрик дик и груб,
Застыли на могильной страже
Под дымным крепом пики труб.

На плащанице звездных гроздий
Лежит луны холодный труп,
И, как заржавленные гвозди,
Вонзились в небо сотни труб.

Крест.

Трубит заводская сирена,
Зовет свободного раба...
У горнов огненная пена,
Болванок красные гроба.

В листах багрового железа
Читаю зов в межзвездный путь...
Плеснул из знойкого разреза
Чугун разжиженный, как ртуть.

Внезапный крик. Один распятый
Лежал на золотом листе,
Змеистым пламенем об'ятый,
Горел на огненном кресте.

Он умер при машинном звоне,
Кипел чугун, сверкала сталь.
Лишь, скованный на дымном троне,
Кровавый ангел рвался вдаль.

Ив. Ерошин.

Из цикла „Песни труда“.

Гул машин, свист ремней, лязг под'емных кранов
Стук ломов и лопат и удар молотка,
Крик моторов и гам, тихий шопот основ,
Быстрый ход поездов—рев фабричный гудка.
Жар плавильных печей—воздух шахт нефтяных.
Отравляющий пар—блеск змеистой руды,
Дрожь громад корпусов, бег колес маховых,
Нервный рокот—протест жил железных воды,
Вот что в сердце моем накопилось давно,
Вот мой храм, где молюсь солнцу новых владык.
В этот мир я волью буйной жизни вино,
Брошу клич мятежа, счастья творческий крик.
Все,—что движет огонь,—сила рук трудовых,
Что в работе своей подчинено уму:
Краски, звуки, тона, танец чудищ стальных
Я для песен возьму.

III.

ЛИРИКА.

В. Александровский.

Девушке—ткачихе.

К твоему приходу алыми цветами
Уберу украдкой твой я уголок,
Пусть они разсеют дивными мечтами
Грусть, что навевает днем тебе станок...

* *
*

Зная твою душу знойную, как пламя,
Я уверен,—вечер окрылит тебя,
Развернешь с улыбкой вышитое знамя,
Будешь снова светлой,—светлое любя...

* *
*

Жизнь не утомляет. Жизнь—одно стремленье,
Торная дорога в солнечную даль
Для того, кто ловит каждое мгновенье,
У кого есть воля твердая, как сталь...

* *
*

Сумерки одели уголок цветущий,
Где-то за стеною вспыхнул детский смех...
Я живу сегодня сказкою грядущей,
О, замедли, время, свой поспешный бег...

* * *

Лицо улыбкой освети
Влекущей, радостной, весенней,
Чтоб пело сердце вдохновенней
В пути...

Смотри, какая ширь вокруг,
Какия солнце нижет краски!..
Нас увлекли огни и сказки,
Мой друг...

Душа восторгами полна,
Приемля радости вселенной...
Воздвигла храмы жизни ценной
Страна...

Желанье светлое растет
Увидеть праздник достижений,
Идем, мой друг, без промедлений
Вперед!..

Мих. Герасимов.

Весна.

Весна, весна и вновь вервена
В полях бесснежных расцвела,
И все, что призрачно и бренно,
Прияла вешняя земля.

Помолодели рясы пиний
Над мрамором могильных плит,
И бирюзой лучисто-синей
Мир воскресающий обвит.

Цветами, розоватый клевер
Иконы окропил полей,
Над ними, на далекий север,
Летят станицы журавлей.

Душистой кровью анемоны
Облили пышные сады,
И нежно льются перезвоны
Из, преклоненных у воды.

И я склоняюсь на колени
У плащаницы черных роз.
Душа вскрылит в немом моленье
Под тихий пламень звездных слез.

Кочегар.

Я—кочегар в утробе судна,
В чугунном чреве у турбин,
Где зной форсунок, дымно, нудно,
Где пар—мой раб и господин.

В коралловых извивах шлака,
В стальных клещах колосников,
Где даже черный камень плакал,
Я жил закован в сталь оков.

Немолчно в вытяжные трубы
Свобоцный ветер трубит в рог,
Целует высохшие губы
То нежен, то призывно строг.

Кругом в лазоревом простра́нстве,
В шипучих искрах пенных вод,
Легки от беспечальных странствий
Дельфины водят хоровод.

Ночами фосфорятся струи,
Пронизывает страсть как ток.
В волнах, в каютах поцелуи,—
Весь мир любовью изнемог.

А здесь—на согнутые спины
Взвалили уголь, шлак и сталь.
О, если-б, как в волнах дельфины,
Без кочегарок и турбины,
Умчаться в зареву даль!

В сады железа...

В сады железа и гранита,
В аллеи каменных домов
Пришел я веснами обвитый,
На зов торжественных гудков.

Я раздружился с ветром воли,
Забыл безудержный размах,
И ширину родных раздолий
И землю мягкую в цветах.

Я променял на камень жесткий
Шелка баюкающих трав,
Я полюбил цветные блестки
И шумы уличных забав.

Захвачен в быстрые потоки,
Я стал душе своей чужей,
И стали мне—как сон далекий,
Былые дни среди полей.

Она.

Вся—жизнь, вся в бронзовом загаре,
Вся—смехоструйный хоровод,
С игрою глаз призывно карих,
К нам поступила на завод.

Тебе, как маю были рады
И пением твоим пьяны,
Но вот чугунные снаряды
Твоей рукой заряжены.

Валов, ремней гудящих струны
Напевы грозные поют,
А там возлюбленных и юных
Твои гранаты бьют и бьют.

Нет, я не мыслю, не поверю,
Чтоб ты переменилась вдруг,
Чтоб было бы служеньем зверю
Движенье стебельковых рук.

Ты, как и мы сжимаешь крылья
И скорбные свои глаза,
Пороховой покрылась пылью
Их огневая бирюза

Была цветком над росной далью,
Окроплена степной пыльцой.
Теперь—овьюженное сталью,
Сгорает скорбное лицо.

Мимозой золотой апреля
Ты расцвела в ветвях стропил,
Но лепестки твои истлели
В звенящем зареве горнил.

* * *

Весенний день, все солнце выше
И все живительней огонь,
Как гладит лед на талой крыше
Его горячая ладонь.

Снежок в слезах лучист и ясен.
Весь мир улыбно удивлен,
Я—зачарованный. как ясень.
Я—соком жизни напоен.

Как ярко даже в мутной луже
Весенние цветут лучи.
В душе разбуженной от стужи
Лучистый бог крылом стучит.

Любовь струится страстным током
В крови и молодой коре,
В полете лебедей высоком
На расцветающей заре.

В душе безгневно горечь тает.
Зимы расторгнув синий лед,
Она, как ласточка взлетает
В иной восторженный полет.

Осень в окопах.

В окопах кажется печальней
Осенний златокудрый лик,
И золото березки дальней,
И тихий лепет павилик.

Жужжанье-шелест мушки синей
На светлом острие штыка,
И аромат могильных пиний
Как будто льется свысока.

Над разоренною долиной,
Над кладбищем знакомых мест,
Я вижу—плавно журавлиный
Колышется в лазури крест.

Ласкающим благословеньем
Далекой матери родной
Их крик—преображенным пеньем
Растет и тает надо мной.

Кровавый клен мне шепчет: „милый“,
Он тихой грустью озарен,
Над незасыпанной могилой
Листвой осенней плачет он.

Окопы—скорбь в пустынном поле,
Чело морщинистое нив.
Я не могу смотреть без боли
На змеевидный ваш извив.

О. Ерошин

Ветер.

Ветер, ветер буйный, ветер друг залетный,
Царь степей и моря, музыка моя.
Ласковый, игривый, гневный, быстролетный.
Как мечта, ты мчишься в разные края.
Все спешишь куда-то—вечно беспокойный.
Поцелуешь речку—побежишь к цветам.
Пляшущий, поющий мелодично, стройно.
Вдруг бросаешь долы, и летишь к горам,
На вершины к небу, к облакам и тучам,
В сизые туманы—в голубой простор,
Рушишь все преграды—гор срываешь кручи,
То поешь, ласкаешь, то вступаешь в спор.
Бурность, нежность, ласка; все твои порывы
Я люблю безумно. Ветер, ты мой брат.
Слушая мелодий дивных переливы,
В этот миг я весел, счастлив и богат.

* * *

Вновь идет к нам весна благодатная!
Небеса стали ярко чисты...
Радость светлая, власть непонятная
Будят в сердце любовь и мечты.

Алых зорь ароматы пьянящие
Буду жадно я грудью вдыхать,
Слушать леса вершины шумящия,
Бережливо по травке ступать.

Брошу город я. С песнею вольною
Возвращусь к вам, деревни-поля,
И на грудь твою мощно-раздольную,
Припаду я, родная земля!

Думы радости, скорби сердечные,
Все хочу я тебе передать.
Улыбнись мне, как девушка встречная,
И прими, как родимая мать.

Зачаруй мелодичными песнями.
Я ведь пленник больших городов.
Дай мне грезами слиться нездешними,
Дай воздушную музыку слов.

Эту музыку волнообразную,
Как любовь, я ее сберегу.
А без вас, мои нивы алмазные,
И без музыки жить не могу!

Из цикла „Песни труда“.

Песни юности веселой,
Песни бодрые, живые,
Пойтесь радостно и хмельно
Пойтесь, пойтесь, огневые!
Разорвите, разгоните,
Малодушия туманы,
Нас зовут—простор измерить
Голубые океаны.
С вами весело живется—
Не изводит горе злое
Запою, и снова счастлив—
Затрепещет ретивое,
Ясным солнцем улыбнется,
В жилах кровь бежит бурливей.
Пойтесь, песни огневые
Говорливей, говорливей.

* * *

Солнце село, бросив веером лучи,
Зной палящий отражают небеса.
Поцелуи солнца—были горячи,
Над землею опустилася роса.

Опустилась, ароматней воздух стал,
В ароматах—закружилась голова.
Вечер бархат и прохладу разостлал,
В бриллианты нарядилася трава.

* * *

Догорели лучи огневые,
Побледнел ярко-алый закат.
Ароматы кадят медовые,
Златоструен природы наряд.

В мгле вечерней сады потонули,
Отдыхая, природа вся спит,
Лес поющий, лес—трепетный улей,
Замолчал, как прибрежный гранит;

Заколдованный чарами зноя,
Многострунный, певучий, уснул.
И маячит мне—черной стеною,
Спрятав в сердце серебряный гул.

*
*   *

Небесных тайн очарованье,
Ущелья, скалы диких гор,
Прибои волн, их колебанье,
Долин сияющий простор.
Манящий тихий шум дубравы
В закате солнечных лучей,
В тот час, когда душисты травы
И сказку говорит ручей.
Мне этот мир покой приносит,
В нем слышу песни бытия.
И снова бурь и боя просит
Душа мятежная моя.

* *
*

В ясный день прекрасно море,
Будто в сказке море спит;
В голубом его просторе
Лучезарный сон царит.

* *
*

В зной полдневный степь колдует,
Ароматами пьяня.
Что-то шепчет и волнует
Дивной музыкой меня.

* *
*

Чуден мир!—Великий, ясный,
Но пред этой красотой—
Все ж могуче и прекрасней
Человек своей душой.

В деревне.

Давно не видел вас, поля мои родные,
Избенки ветхие, давно не видел вас.
По-прежнему бедны, в просторе заревые
Вы слепо смотрите зрачками окон-глаз.

Поля, поля и лес, но чувства не с деревней
Ни звука, тишина, кругом разлит покой,
Шелка пахучих трав и музы стих напевный.
Я ваш недолгий гость, я вновь томим тоской.

Что нужно мне, певцу?! Фабричные сирены
Не потревожат мой под утро сладкий сон
О, город, компас бурь, твоей борьбы арена
Зовет меня к себе, тобою я пленен.

Деревня не моя, мне близки тротуары,
Где кровь лилась труда, гремел орудий гром,
Симфонии борьбы, октябрьские пожары,
Они зовут меня, горят в душе огнем.

И ты, властитель мой, борьбой веков пронзенный,
Ты в битвах весь горишь, как в юном теле страсть.
Опять стремлюсь к тебе, стремлюсь сильней,
влюбленный.
В твою расгневанную пасть!!!

IV.

ГОРОД.

В. Александровский.

Окраина.

Внезапно свет вонзится в копоть
Пустынных тупиков окраины,
И снова дым, с уверткой Каина
Спешит прорехи туч заштопать...

Дома, рожденные слепыми,
Схватились цепко друг за друга,
И повседневно тонут в дыме,
И слабо стонут от испуга...

Рычит завод, как дьявол злобный,
Под вечер крик визгливый бросит...
Пугая тишиной надгробной,
Короткий отдых ночь приносит...

Но день пришел иной однажды,
И жизнью вспыхнула окраина.
Как лютый зверь, томимый жаждой,
Напрасно дьявол выл отчаянно...

Чернел завод безлюдной пастью,
Краснели улицы полотнами,—
Рабочих рать с позорной властью
Шла на борьбу рядами плотными...

М. Герасимов.

Город.

Я вижу пламенные ризы,
В них дымный город облачен,
Он молниями сквозь пронизан,
Закован в орудийный звон.

Летят, как демоны, гранаты,
Весь город ими окрылен,
Их пляской зданий об'яты
Скрипучий испускают стон.

Зияют жутко в крышах раны
И ребра сломанных стропил,
Дома как будто великаны,
На землю павшие без сил

Горит и тает город мертвый,
Пустыни улиц без людей,
Лишь сотни трупов распростерты
На красных плитах площадей.

Бушуют огненные волны,
Вздымаясь в ропоте глухом,
На черный остов колокольни
С поникшим гальским петухом.

На вокзале.

Чугунный топот на вокзале—
Толпа гудящая текла,
Шары из света в дымной зале
Под сводом стали и стекла.

Здесь ежечасно поезд вольный
Стремится в бесконечный рейс,
И сталь колес скрежещет больно
По твердой шкуре змейных рельс.

Под дымным небом, невысоко
Трепещет сажи черный плат,
И как циклоп единым оком
Глядит белесый циферблат.

Под своды копоти и дыма,
Закованных в стекло и сталь,
Приходят поезда из Крыма,
Где взморья голубеет даль.

Моя душа туда стремится
Где ласковый прибой звенит,
Но, как подстреленная птица,
Свинцово падает в гранит.

Вокзала дымная завеса
Плеснула в прокопченый взор.
На крыльях южного экспресса
Умчусь в оранжевый простор.

Там полулунными крылами
Взрезают чайки гладь стекла,
Под золотыми парусами
Лазурь певучая текла.

Там солнце олеандры нежит,
Горит под бронзою ланит.
Забуду паровозов скрежет,
Забуду северный гранит.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. — Энтузиазм.

II.—Гул заводов

III.—Лирика.

IV.—Город.

Цена 4 р. 50 к.